

© А. М. СТОЧИК, С. Н. ЗАТРАВКИН, 2000

УДК 616-091:378.661:93 (470)

А. М. Сточик, С. Н. Затравкин

**ПРЕПОДАВАНИЕ ПАТОЛОГИЧЕСКОЙ АНАТОМИИ НА МЕДИЦИНСКОМ ФАКУЛЬТЕТЕ
МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА. СООБЩЕНИЕ 5.
1835—1849 годы**

Московская медицинская академия им. И. М. Сеченова, НПО "Медицинская энциклопедия" РАМН

С. С. Уваров не воспользовался полностью отработанным учебным планом Ю. Х. Лодера, а, отложив введение в действие нового устава до 1 января 1836 г., предложил университетам самим отработать последовательность и объем преподавания перечисленных в уставе учебных дисциплин.

После многократного обсуждения¹ московские профессора практически полностью повторили лодеровский замысел в отношении кафедры "Анатомии" и распределения составляющих ее курсов по годам обучения². Единственное отличие состояло в перенесении преподавания курса "рассечение трупов" с последнего года обучения на третий. Однако это расхождение не было принципиальным, поскольку явилось следствием не стремления пересмотреть цели и задачи этого курса, а возникшей необходимости уменьшить число дисциплин, составляющих учебную программу последнего года обучения.

Пока профессора Московского университета готовили свои предложения по введению устава 1835 г. в действие и разрабатывали проект нового учебного плана, руководители Министерства народного просвещения, опасаясь, что подготовленные в четырех российских университетах учебные планы будут значи-

тельно отличаться друг от друга и этим поставят под удар идеологию единого общероссийского университетского устава, решили подготовить свой "проект".

18 октября С. С. Уваров направил попечителю Московского университета С. Г. Строганову готовый министерский проект "распределения кафедр и расписания учебных предметов по полугодиям"³. Кто из петербургских медиков готовил для С. С. Уварова этот документ, установить не удалось, но он не оставил камня на камне ни от лодеровского замысла в целом, ни от его предложений по организации кафедры естественно-научных основ клинической медицины. Во-первых, вместо единого анатомио-физиологического предмета в министерском проекте речь шла всего лишь о преподавании нормальной анатомии. Во-вторых, ликвидировался самостоятельный курс "рассечение трупов", а секционные занятия предписывалось объединить с преподаванием курса нормальной анатомии, что автоматически исключало из учебного плана медицинского факультета секционные занятия по анатомии патологической. И, наконец, в-третьих, преподавание курса "патологическая анатомия" переносилось с третьего на пятый год обучения⁴. Последнее не только полностью противоречило идеологии лодеровского замысла, но и создавало очень серьезную угрозу для будущего патологической анатомии в Московском и других российских университетах: исполнение министерских предписаний должно было неминуемо привести к появлению в учебной программе медицинских

¹ В течение сентября, октября 1835 г. этот вопрос обсуждался 6 раз: 3 раза (12, 21 и 27 сентября) Советом факультета и трижды (9, 12 и 26 октября) Советом университета. — См.: ЦИАМ, ф. 459, оп. 2, д.1, ч.1, л. 5—46; ЦИАМ, ф. 418, оп. 249, д.23, л. 439—458 об.; ф. 418, оп. 4, д. 396, л. 20—38, 45—46.

² Предложение Ю. Х. Лодера по преподаванию патологической анатомии. См.: Пробл. соц. гиг., здравоохр. и истории мед. — 2000. — № 2. — С. 53.

³ ЦИАМ, ф. 459, оп. 2, д. 1, ч. 1, л. 7.

⁴ Там же, л. 10—11об.

факультетов российских университетов не фундаментального, а прикладного курса этой науки.

Почему С. С. Уваров пошел на пересмотр идеологии преподавания одного из важнейших курсов медицинского факультета, точно неизвестно. Однако, вероятнее всего, он сделал это неосознанно, просто подписав поданный ему проект нового учебного плана. Что же касается уваровских советников, то они, судя по всему, не понимали фундаментального значения патологической анатомии в силу того, что, подобно большинству врачей начала XIX века, рассматривали ее как прикладную дисциплину, изучающую лишь морфологические знаки болезней.

С. Г. Строганов не стал торопиться с оглашением "мнения" высшего начальства, а, дождавшись пока профессора составят собственный учебный план, поставил их в известность о пришедшем из министерства "распределении учебных предметов по кафедрам и полугодиям" только 8 ноября. Как свидетельствуют протоколы заседаний Совета медицинского факультета от 11, 14 и 18 ноября⁵, профессора были возмущены целым рядом министерских "рекомендаций", однако игнорировать точку зрения начальства не могли. И после долгих споров согласились с большинством предложений С. С. Уварова, кроме переноса преподавания патологической анатомии на пятый курс. П. П. Эйнбордт и А. А. Иовский даже подали по этому поводу в Министерство "особые мнения"⁶.

Однако С. С. Уваров был непреклонен и 31 декабря 1835 г. завершил развернувшуюся дискуссия предписанием ввести преподавание самостоятельного курса патологической анатомии в число учебных дисциплин, определенных для освоения студентами пятого года обучения.

Лодеровский замысел организации кафедры естественно-научных основ клинической медицины погиб, не успев родиться, а ученик Ю. Х. Лодера П. П. Эйнбордт, полностью разделявший взгляды своего учителя, оказался в крайне непростом положении. Преподавание патологической анатомии надо было вводить, а читать прикладной клинико-анатомический курс он, по-видимому, не хотел, поскольку это противоречило его убеждениям. Вероятнее всего, именно поэтому систематический самостоятельный курс патологической анатомии в Московском университете начал преподаваться не сразу после введения нового устава, а лишь с 1837/38 учебного года⁷.

Пока П. П. Эйнбордт определялся в вопросе о том, как ему действовать, профессора-клиницисты Московского университета, которые, как уже говорилось, не видели возможности обучать студентов практическим медицинским дисциплинам без широкого привлечения данных патологической анатомии, начали активно внедрять ее элементы в преподавание на своих кафедрах. После 1835 г. пионером в решении этой задачи выступил профессор хирургической клиники Ф. И. Иноземцев, который был убежден, что глубокие знания в области патологической анатомии необходимы хирургу. "Знание патологической анатомии, — писал он в "Программе преподавания хирургии в Императорском Московском университете...", — научает хирурга той интенсивности и настойчивости в его хирургических действиях, которую образованный оператор при хирургических своих действиях иногда должен употреблять"⁸. Этот принцип Ф. И. Иноземцев положил в основу преподавания своего курса хирургической клиники. По его предложению во дворе клиники на Рождественке был построен анатомический театр, в котором имелись комнаты для проведения занятий на трупах, прозекторская, аудитория для чтения лекций⁹. В случае смерти больного в клинике Ф. И. Иноземцев в присутствии студентов производил вскрытие, обращая их внимание на характерные для данного заболевания изменения, подробно анализировал механизм развития болезни, причины смерти, правильность прижизненного диагноза и лечения¹⁰.

В том же весеннем семестре 1835/36 учебного года начинающие Ф. И. Иноземцева поддержал профессор повивального искусства М. В. Рихтер. Как именно и в каком объеме использовал

патологоанатомический материал в изложении курсов акушерства, женских и детских болезней В. М. Рихтер, установить не удалось. Однако чрезвычайно показательным, что одной из основ его курса детских болезней служил знаменитый учебник Ж. Крювелье "Anatomie pathologique"¹¹.

В 1838/39 учебном году к Ф. И. Иноземцеву и М. В. Рихтеру присоединился профессор терапевтической клиники Х. Г. Бунге.

"При сем Студенты под руководством Профессора, — читаем мы в "Отчете о состоянии и действиях Императорского Московского университета за 1838/39 академический и 1839 гражданский год", — занимались исследованием и лечением разнообразных внутренних болезней, имели на руках больных, в клинике находящихся, писали истории их болезней и при данных случаях делали Патолого-Анатомические исследования"¹².

Внедрением в учебный процесс патологоанатомических данных активно занимался и профессор организованной в 1835 г. кафедры частной патологии и терапии Г. И. Сокольский. В 30—40-х годах он был, пожалуй, самым ярким представителем клинико-анатомического направления в русской медицине, вклад которого в разработку ряда проблем патоморфологии и клиники внутренних болезней по праву составляет приоритет отечественной медицинской науки.

Накопленные в результате собственных исследований сведения по патологической анатомии различных болезней Г. И. Сокольский широко использовал в изложении курса своей дисциплины. Правда, на первых порах проводившиеся им занятия приносили немного пользы учащимся. Как показал анализ сохранившихся материалов, лекции, читавшиеся Г. И. Сокольским в первые годы после его назначения профессором частной патологии и терапии, изобиловали разбором таких тонкостей, понять и оценить которые было не по силам студентам. В заре научных изысканий Г. И. Сокольский не принимал во внимание уровень знаний своих слушателей и, увлекая их в виртуозную научную полемику с ведущими патологами Запада, обрушивал на неподготовленные умы колоссальный объем сложнейшего клинико-морфологического материала. Однако, видимо, проанализировав результаты экзаменационных сессий, он уже в конце 30-х годов внес существенные изменения в преподавание своего курса. Во-первых, для лучшего усвоения материала ввел элементы наглядности, добившись разрешения Совета на демонстрации в ходе своих лекций больных, находившихся на лечении в терапевтической клинике университета¹³. Во-вторых, исключил из лекций практически весь полемический и "частный, приближающийся к казуистике" материал. "... Профессор сделал ... отступление от изложения предметов в прежних годах, — говорилось, в частности, в отчетах Г. И. Сокольского за 1841/42 учебный год, — уменьшив дробление и увеличив общие положения о болезнях, или другими словами, заменив анализ синтезом, думая, что первое должно предоставить более Клиническому преподавателю при размышлении болезней у постели больного"¹⁴.

Г. И. Сокольский, Х. Г. Бунге, Ф. И. Иноземцев, М. В. Рихтер внесли значительный вклад в закрепление и развитие заложенной М. Я. Мудровым традиции преподавания клинических дисциплин в неразрывной связи с патологической анатомией, и с этой точки зрения можно говорить, что во второй половине 30-х годов XIX века Московский университет сделал еще один шаг вперед. Однако если проанализировать события, развернувшиеся на медицинском факультете в этот период с позиций истории становления патологической анатомии как самостоятельной учебной и научной дисциплины, то оценка усилий московских профессоров окажется далеко не однозначной.

Из-за провала с введением преподавания самостоятельного систематического курса патологической анатомии к началу 40-х годов XIX века возникла очень опасная для будущего этой дисциплины ситуация, когда основной объем патологоанатомических данных излагался при обучении студентов клиническим дисциплинам, а преподавание патологической анатомии приобрело ярко выраженный прикладной характер, что в свою оче-

⁵ЦИАМ, ф. 459, оп. 2, д. 1, ч. 1, л. 45—62.

⁶"Мнение" П. П. Эйнбордта см: ЦИАМ, ф. 459, оп. 2, д. 1, л. 57—58об.; "Мнение" А. А. Иовского см: Там же, л. 59—62об.

⁷См.: "Обозрение преподавания в Императорском Московском университете..." и "Отчеты Императорского Московского университета..." за 1836, 1836/37 и 1837/38 учебные годы.

⁸Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. — Шифр 1604/1. — Л. 58.

⁹Архангельский Г. В. Ф. И. Иноземцев и его значение в развитии русской медицины. — М., 1959. — С. 52—53.

¹⁰Отчет о состоянии и действиях Императорского Московского университета за 1835/36 академический и 1836 гражданский год. — М., 1837. — С. 11.

¹¹Отчет о состоянии и действиях Императорского Московского университета за 1837/38 академический и 1838 гражданский год. — М., 1839. — С. 17.

¹²Отчет о состоянии и действиях Императорского Московского университета за 1838/39 академический и 1839 гражданский год. — М., 1840. — С. 13.

¹³Отчет о состоянии и действиях Императорского Московского университета за 1840/41 академический и 1841 гражданский год. — М., 1842. — С.: 21; ЦИАМ, ф. 418, оп. 347, д. 50, л. 1—3.

¹⁴Отчет о состоянии и действиях Императорского Московского университета за 1841/42 академический и 1842 гражданский год. — М., 1843. — С. 29.

редь способствовало укреплению в сознании как студентов, так и самих преподавателей взгляда на патологическую анатомию как на важную, но все же вспомогательную для клиники научно-практическую область знания. В 40-х годах XIX века, когда патологическая анатомия все активнее заявляла о себе как о самостоятельной фундаментальной науке, сложившееся резкое смещение акцентов в ее преподавании в сторону прикладных аспектов могло привести к тому, что Московский университет оказался бы отброшенным на несколько десятилетий назад, а уровень выпускников им врачей значительно снизился.

Профессора медицинского факультета Московского университета, судя по всему, не чувствовали нависшей угрозы. Во всяком случае, как показывает анализ протоколов заседаний Совета факультета за период с 1835 по 1840 г., какого-либо недовольства в адрес П. П. Эйнбордта, читавшего два часа в неделю студентам пятого курса краткий обзорный (и, скорее всего, также прикладной) курс патологической анатомии, не высказывалось. Более того, когда в 1840 г. встал вопрос о руководителе кафедры анатомии, профессора рекомендовали на это место адъюнкта хирургической клиники И. Ф. Гильтебрандта¹⁵, который, хотя и стажировался короткое время у Ю. Х. Лодера, но морфологией никогда профессионально не занимался. К счастью, С. С. Уваров не утвердил это предложение. В 1840 г. была закрыта Виленская медико-хирургическая академия и профессором кафедры анатомии Московского университета был назначен ученик Й. Франка Л. С. Севрук¹⁶.

Л. С. Севрук вполне соответствовал должности ординарного профессора кафедры анатомии, однако к тому, с чем ему пришлось столкнуться в Московском университете, он явно не был готов. В Вильно, где Л. С. Севрук учился и преподавал, где все вопросы построения учебного плана курировал лично Й. Франк, не могло быть речи о том, чтобы ликвидировать самостоятельный курс "рассечение трупов" или отнести патологическую анатомию к числу предметов последнего года обучения. Однако в отличие от П. П. Эйнбордта Л. С. Севрук не растерялся и уже в течение 1840/41 учебного года осуществил ряд смелых и решительных нововведений, фактически возродивших лодеровский замысел организации кафедры естественно-научных основ клинической медицины. Таких нововведений было три.

Первое преследовало цель создания необходимых условий для того, чтобы патологическая анатомия могла служить реальной базой для освоения студентами теоретических и практических врачебных наук. Для этого начиная с осеннего семестра 1840/41 учебного года Л. С. Севрук перестроил свой курс так, что основной объем сведений по патологической анатомии студенты стали получать одновременно с освоением нормальной анатомии, т. е. на первом и втором годах обучения. "При ... изложении Анатомии, — говорилось в представившихся Л. С. Севруком отчетах, — сообщив некоторые предварительные сведения, Профессор старался обратить внимание своих слушателей, кроме наименования описываемых частей, на их число, систему к коей относятся, величину, положение, направление, общие и частные свойства как наружные, так и внутренние, форму, связь, разделение..., макро- и микроскопическое устройство, вес, развитие, уклонение, действие и назначение, с присовокуплением частных Физиологических сведений, сравнение с животными и главнейшие болезненные формы (курсив наш. — Авт.)¹⁷.

Вторым принципиальным нововведением, призванным по замыслу Л. С. Севрука укрепить у студентов представление о патологической анатомии как о фундаментальной науке, стало чтение в рамках спецкурса на пятом году обучения цикла теоретических лекций по "Общей патологической анатомии", в которых, опираясь на учебники и руководства ведущих патологов Европы (Ж. Кривелье, И. Ф. Лобштейн, К. Рокитанский, И. Меккель и др.)¹⁸, он разъяснял своим слушателям морфологические основы общепатологических процессов.

Третье и, пожалуй, самое важное из нововведений Л. С. Севрука состояло в организации также в рамках спецкурса патологической анатомии практических занятий со студентами на трупах, причем секционные занятия Л. С. Севрука существенно отличались от демонстрационных контрольно-диагностических вскрытий, проводившихся профессорами клинических кафедр. Каждое включало несколько последовательных этапов обучения. Вначале профессор предлагал студентам внимательно оз-

накопиться с историей болезни, провести тщательный внешний осмотр тела и попытаться на основании собранных данных высказать предположение о характере и локализации патоморфологических изменений. Когда же все мнения оказывались высказанными, Л. С. Севрук с помощью прозектора проводил вскрытие, демонстрировал подлинную патоморфологическую картину, давал необходимые комментарии и разбирал совершенные ошибки.

Эта часть занятия, преследовавшая цель показать связь патологической анатомии с клиникой, не была каким-то подгруппом клиницистам. Л. С. Севрук прямо заявлял, что "патологическая анатомия была бы наука мало занимательная и даже не весьма полезная, если бы она ограничивалась исследованием только болезненных изменений и объяснением трупных явлений"¹⁹, и совершенно искренне полагал, что курс патологической анатомии обязательно должен предусматривать обстоятельный анализ проблем взаимовлияния патоморфологии и клиники. Однако в отличие от вскрытий, проводившихся профессорами-клиницистами, секционные занятия Л. С. Севрука этим анализом не завершались. Далее профессор переходил к тому, что "всякая часть болезненным образом измененная, разбираема была подробно, с помощью микроскопа и некоторых ретгенов, с объяснением формы такового изменения, его свойства, явлений или производимых, причин, от которых они последовали... (курсив наш. — Авт.)"²⁰. Иными словами, Л. С. Севрук строил свои секционные занятия так, что, разбирая, казалось бы, частные вопросы, на конкретных примерах наглядно демонстрировал фундаментальную сущность патологической анатомии.

Значение осуществленных Л. С. Севруком нововведений для становления патологической анатомии на медицинском факультете Московского университета трудно переоценить. Впервые, им была разработана и апробирована методика преподавания этой дисциплины в целом и проведения секционных занятий, в частности. Методика, которую А. И. Полунин после создания самостоятельной кафедры практически без изменений использовал для преподавания патологической анатомии. Восторж, Л. С. Севрук полностью ликвидировал возникший во второй половине 30-х годов XIX века дисбаланс в преподавании фундаментальных и прикладных аспектов патологической анатомии. В начале 40-х годов усилиями Л. С. Севрука патологическая анатомия в Московском университете de facto приобрела статус фундаментальной естественно-научной основы клиники и одновременно одного из главных факторов интеграции всего учебного года медицинского факультета.

Л. С. Севрук полностью скомпенсировал последствия и досадного просчета Министерства народного просвещения и, очевидно, неудачи П. П. Эйнбордта, однако баланс в преподавании фундаментальных и прикладных аспектов патологической анатомии в Московском университете сохранился недолго. Уже в течение 1843—1846 гг. с приходом в университет сначала А. И. Овера, а затем А. И. Поля и И. В. Варвинского акценты в представлении патологической анатомии стали вновь стремительно смещаться в сторону резкого преобладания прикладных аспектов этой науки.

А. И. Овер, А. И. Поль, И. В. Варвинский были крупными знатоками в области патологической анатомии, и появление в университете сразу трех специалистов такого уровня в сочетании с активностью и целеустремленностью Л. С. Севрука открывало блестящие перспективы. Однако, как показывает беспристрастный анализ сохранившихся документов, в действительности события вокруг преподавания патологической анатомии стали развиваться по иному сценарию.

Забегая несколько вперед, отметим, что все, о чем будет сказано ниже, не следует воспринимать как попытку бросить камень в А. И. Овера, А. И. Поля, И. В. Варвинского или же упоминавшихся Г. И. Сокольского и Ф. И. Иноземцева. Их главной задачей было совершенствование преподавания порученных им дисциплин, и здесь они внесли неоценимый вклад в развитие отечественной медицины и высшего медицинского образования. Именно этим профессорам Московский университет обязан разработкой идеи этапности клинической подготовки врача, нашедшей свое организационное воплощение в создании на медицинском факультете в 1845—1846 гг. факультетских и госпитальных клиник.

Что же касается вклада этих профессоров в становление патологической анатомии в Московском университете, то он не

¹⁵ЦИАМ, ф. 418, оп. 347, д. 15, л. 3.

¹⁶О Л. С. Севруке см.: Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Московского университета. — М., 1855. — Ч. II. — С. 399—400.

¹⁷Отчет о состоянии и действиях Императорского Московского университета за 1841/42 академический и 1842 гражданский год. — М., 1843. — С. 16.

¹⁸Там же.

¹⁹Севрук Л. С. Краткий взгляд на патологическую анатомию и способ ее изложения // Руководство к патологической анатомии, составленное К. Э. Бокром. — М., 1853. — С. 1.

²⁰Отчет о состоянии и действиях Императорского Московского университета за 1842/43 академический и 1843 гражданский год. — М., 1844. — С. 16.

может быть оценен однозначно. Как справедливо отмечал А. И. Полунин, они "в свое время принесли много пользы учащимся и послужили распространению между нашими врачами современных патологических сведений"²¹. Как свидетельствуют "Отчеты о состоянии и действиях Императорского Московского университета..." и обнаруженные нами архивные документы, А. И. Овер, А. И. Поль, И. В. Варвинский уже в середине 40-х годов XIX века внедрили огромный объем патологоанатомических сведений в курсы читавшихся ими дисциплин. Каждый из них организовал проведение обязательных вскрытий всех умерших в клиниках. Но это лишь одна сторона медали. Другая же состояла в том, что все перечисленные выше усилия профессоров клинических кафедр были направлены не на укрепление позиций патологической анатомии, а, напротив, преследовали цель лишить ее самостоятельности. Бесспорно, в середине 40-х годов XIX века преподавать клинические дисциплины без широкого привлечения патологоанатомического материала было уже невозможно. Однако именно в середине 40-х годов в условиях, когда в большинстве университетов патологическая анатомия читалась в виде отдельных курсов, от клинических преподавателей требовался уже иной подход к использованию данных этой науки при обучении практической медицине. Требовалось как минимум согласовывать свои действия с профессором, читавшим курс патологической анатомии, и уж, конечно, не вводить преподавания альтернативных курсов этой науки.

Вместе с тем объем и систематичность излагавшегося А. И. Овером и И. В. Варвинским, Г. И. Сокольским и А. И. Полем патоморфологического материала вполне соответствовали требованиям отдельного курса патологической анатомии. И при этом курсы патологической анатомии, читавшиеся в рамках клинических кафедр, были по отношению к курсу Л. С. Севрука не параллельными, а именно альтернативными. Во-первых, они имели совершенно иную идеологическую направленность; предлагали студентам иной ракурс рассмотрения патоморфологических феноменов и при этом только тех, "на коих можно было основать диагностику, оценку припадков, семиотику и самое лечение болезней"²². Во-вторых, введение А. И. Овером, А. И. Полем и И. В. Варвинским секционных занятий в клиниках мгновенно лишило Л. С. Севрука возможности проводить "практические упражнения на трупах", поскольку ему попросту перестал доставляться трупный материал. И последнее не было результатом какого-то недоразумения. Л. С. Севрук пытался договориться, пытался убедить клиницистов в необходимости проведения секционных занятий именно преподавателем патологической анатомии; даже официально предложил коллегам присутствовать на своих практических занятиях. Но из этого ничего не вышло. Не случайно же в 1842 г. он был вынужден обратиться за помощью в обеспечении занятий трупным материалом сначала в полицию, а затем начал сотрудничать с прозектурами городских больниц²³.

Лишив Л. С. Севрука трупов и организовав альтернативные курсы прикладной патологической анатомии, профессора-клиницисты методично и целеустремленно проводили в жизнь свою позицию, в основе которой лежало искреннее убеждение в том, что клиника и патологическая анатомия представляют собой единое и неделимое целое; что необходимо стремиться к тому, чтобы "заслуги патологической анатомии приложить к изучению практической медицины и, таким образом, сблизить две несправедливо раздвинутые ветви одной и той же науки (курсив наш. — Авт.)"²⁴. Под манифестом о неразрывном единстве патологической анатомии и клинической медицины, об исключительной значимости прикладных аспектов патоморфологического знания безоговорочно подписались бы все профессора клинических кафедр Московского университета. Поэтому неудивительно, что когда в 40-х годах XIX века неожиданно вновь возник вопрос об организации самостоятельной кафедры патологической анатомии, Совет факультета сделал все от него зависевшее, чтобы не допустить создания такой кафедры.

Вопрос о необходимости организации самостоятельных кафедр для преподавания патологической анатомии вновь возник

весной 1841 г. в ходе начавшейся по инициативе правительства реформы медицинского образования, преследовавшей цель введения в России единого общегосударственного образовательного стандарта подготовки лекарей²⁵. Уже в декабре 1840 г. при Министерстве народного просвещения был организован особый Временный медицинский комитет, который взял на себя разработку всех ключевых проблем "преобразования медицинской учебной части во всех заведениях" и составление нового единого учебного плана. В комитет вошли: лейб-медик М. А. Маркус (председатель), лейб-медик Е. И. Раух, профессора Петербургской медико-хирургической академии К. К. Зейдлиц и Н. И. Пирогов²⁶.

Первые полтора года работы комитета были посвящены в основном подготовке устава для вновь образованного медицинского факультета университета Св. Владимира, основные положения которого в дальнейшем планировалось распространить на другие высшие медицинские учебные заведения страны. Именно в ходе этой работы впервые после особого мнения М. Я. Мудрова по инициативе Н. И. Пирогова был решен вопрос о создании самостоятельной кафедры для преподавания патологической анатомии и патологической физиологии.

"Ни одна наука в медицине, — писал Н. И. Пирогов в записке Временному медицинскому комитету от 24 ноября 1841 г., — не способствует столько изощрению чувств и не привлекает к наблюдению и опыту, как патология в нашем смысле, т. е. патологическая анатомия и физиология, взятые вместе"²⁷.

Последнее "внушение" Н. И. Пирогова возымело действие, и в высочайше утвержденное 15 июля 1842 г. новое "Расписание кафедр к Уставу Императорского Университета Св. Владимира" была включена самостоятельная кафедра "Физиологии большого человека или Патологической, с Патологической Анатомией".

Первая в России кафедра патологической анатомии и патологической физиологии университета Св. Владимира начала работать в 1845/46 учебном году. На должность профессора этой кафедры был назначен ученик Н. И. Пирогова Н. И. Козлов²⁸.

Принятое Временным медицинским комитетом решение об организации самостоятельной кафедры патологической анатомии и патологической физиологии в университете Св. Владимира предопределило создание аналогичной кафедры и в Московском университете. Однако профессора Московского университета продолжали настаивать на необходимости преподавания патологической анатомии в рамках клинических кафедр: "Нужно постановить правило, — читаем мы в "Проекте распространения Московского университета по медицинской части", составленном 23 февраля 1844 г. профессорами медицинского факультета университета, — чтобы трупы больных из клинических зал были вскрываемы клиническим профессором, а поступающие в секционную камеру из больничных палат профессором патологической анатомии..."²⁹.

К счастью для будущего патологической анатомии в Московском университете, все подобные попытки встретили решительный отпор со стороны членов Временного медицинского комитета. "Имея в виду состояние патологической анатомии и ее важное влияние на все отрасли практической медицины, — говорилось в ответе Временного медицинского комитета от 13 мая 1844 года, — Комитет признает необходимым... учреждение при Московском университете кафедры этой науки с предоставлением преподавателю патологической анатомии прав ординарного профессора, с поручением ему всех трупосечений в госпитале, по примеру Парижского и Венского медицинских факультетов, и с вменением в обязанность составления патологоанатомического музея"³⁰. Открытой полемике, таким образом, был положен конец. "Дополнительным постановлением о медицинском факультете Императорского Московского университета", утвер-

²¹ Полунин А. И. Некрологи Поля, Овера, Летунова, Эйенбордта // Речь и отчет Императорского Московского университета за 1864 год. — М., 1864. — С. 14.

²² Сокольский Г. И. Исследование патологических свойств воспаления легочной и соседних ее тканей с приложением к диагностике и терапевтике. — М., 1839. — С. 39.

²³ См. "Отчеты о состоянии и действиях Императорского Московского университета..." за период с 1842 по 1846 г.

²⁴ Сокольский Г. И. Учение о грудных болезнях, преподаемое в 1837 году в отделении врачебных наук Императорского Московского университета слушателям 3-го и 5-го курсов доктором и профессором Григорием Сокольским. — М., 1838. — С. V—VI.

²⁵ О целях реформы см.: Сточик А. М., Затравкин С. Н., Горелова Л. Е., Сточик А. А. Предыстория подготовки "Дополнительного постановления о медицинском факультете Императорского Московского университета" // Пробл. соц. гиг., здравоохр. и истории мед. — 1999. — № 4. — С. 50—53.

²⁶ На должность "докладчика" Временного медицинского комитета С. С. Уваров назначил доктора медицины и хирургии, в недавнем прошлом (до 1838 г.) профессора Петербургской медико-хирургической академии И. Т. Спасского (РГИА, ф. 733, оп. 99, д. 692, л. 10б.).

²⁷ РГИА, ф. 733, д. 705, л. 85об.

²⁸ О Н. И. Козлове и кафедре патологической анатомии и патологической физиологии университета Св. Владимира см.: Серов В. В., Пальцев М. А., Сточик А. М., Затравкин С. Н. К истории создания первой кафедры патологической анатомии и патологической физиологии // Арх. пат. — 1993. — № 6. — с. 68—70.

²⁹ РГИА, ф. 733, оп. 147, д. 3, л. 272об.

³⁰ Там же, л. 309.

жденным 7 декабря 1845 г., предписывалось создать кафедру "Патологической анатомии с Патологической физиологией", а в "специальном отношении" Министерства народного просвещения указывалось, что "до назначения особого преподавателя по сей кафедре преподавание патологической анатомии по существу доселе порядку, возлагается на ординарного профессора Севрука, а патологической физиологии на ординарного профессора Филомафитского"³¹. И в 1846/47 учебном году профессор Л. С. Севрук продолжил чтение курса патологической анатомии с "трупорасечениями... по 1 часу в неделю" для студентов пятого года обучения³².

В середине 1846 г. профессором кафедры патологической анатомии и патологической физиологии был назначен адъюнкт факультетской терапевтической клиники Ю. Дитрих. Предполагалось, что он начнет преподавание со второго полугодия 1847/48 учебного года после возвращения из заграничной командировки. Однако в 1847 г. Ю. Дитрих неожиданно скончался и кафедра патологической анатомии и патологической физиологии оказалась вакантной.

В январе 1848 г. на медицинском факультете был объявлен конкурс на место профессора этой кафедры, в котором приняли участие сразу 4 кандидата. Профессор госпитальной терапевтической клиники И. В. Варвинский выдвинул кандидатуру адъ-

юнкта своей клиники А. И. Полунина; профессор Л. С. Севрук — ассистента факультетской терапевтической клиники К. Я. Млодзиевского, много помогавшего ему в работе в прозекторских городских больниц; профессор факультетской терапевтической клиники А. И. Овер — адъюнкта своей клиники Н. С. Торопова, профессора М. В. Рихтера и А. И. Поль — доктора Самсона фон Гиммельштерна.

По мнению профессоров М. В. Рихтера, А. И. Поля, Г. И. Сокольского и даже И. В. Варвинского, наиболее подготовленным в области патологической анатомии был воспитанник А. И. Овера доктор Самсон фон Гиммельштерн, но, по мнению членов Совета, он плохо владел русским языком, что послужило главным аргументом против его избрания.

Наименьшее число возражений вызвала кандидатура А. И. Полунина. И хотя он не имел большого опыта педагогической работы, однако хорошо знал не только патологическую анатомию, но и патологическую физиологию, патологическую химию и "микроскопическую анатомию". В течение 4 лет изучал эти науки под руководством ведущих специалистов Европы: И. Мюллера (физиология, сравнительная и патологическая анатомия), Эренберга, Г. Симона и Ремака (микроскопическая анатомия) в Берлине; К. Рокитанского, Й. Шкоды в Вене; Дюма (органическая химия), Ж. Крювелье, Г. Андраля, Ж. Буйо в Париже; Либиха (патологическая химия) в Гессене. После успешной защиты докторской диссертации он был избран профессором кафедры патологической анатомии и патологической физиологии, которой руководил 20 лет.

³¹ЦИАМ, ф. 418, оп. 353, д. 60, л. 42.

³²Обозрение преподавания наук в Императорском Московском университете в 1846/47 учебном году. М., 1846. С. 10.